

Раздел 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВСТВЕННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Л. А. ПЬЯНОВА

УрО АН СССР

ТВОРЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА

(социально-экономический аспект)

С чем сегодня связывается новое качество социализма как общественного строя? Нам думается, прежде всего — с формированием нового понимания его общественного богатства. Переболев социальной нищетой, оскудением экономической и духовной жизни, общество мучительно ищет ответ на вопросы: как вырваться из этого унижительного состояния, где найти внутренние источники и силы для движения вперед и, наконец, как связать воедино разорванные отечественной исторической практикой понятия «социализм» и «богатство»?

На сегодняшний день проблема богатства — это мировоззренческий пульс научных исканий. Пытаясь выйти из унифицированности общественного развития, ставя вопрос о критерии социальности многообразных форм жизни, мы всегда так или иначе решаем эту проблему богатства. На основе определенного ее решения вырабатываются цели, стратегия и основные направления развития общества.

Суть дела заключается в том, что богатство играет *структурообразующую роль* в функционировании общественного организма, конституирует его качественную целостность и специфику развития, определяет место и роль человека в конкретном социуме, генерирует социальную связь людей в натуральной, товарно-денежной или непосредственно общественной форме. Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что элементарная клеточка богатства в свернутом виде содержит жизнеспособность или ограниченность той или иной общественной системы.

Общественное богатство есть основополагающее базисное отно-

шение, определяющее качественную природу социальной системы. Ответ на вопрос: что, как и какими темпами накапливается? — позволяет выявить глубинный смысл общественного движения, внутренний источник становления общественного целого, характеризующий динамику, перспективы и тупики развития. Вопрос о преимуществах системы, о центральном звене ее эффективности, позволяющем дать более высокие образцы цивилизованности и культуры, — это также вопрос о богатстве.

Наше мышление долгое время вращалось в парадигме отчуждения, редуцированных овеществленных социальных отношений и соответственно воспроизводило концепцию общественного богатства в его вещественной форме (богатство — совокупность материальных благ и ценностей).

Исторически концепция материального богатства возникла в период первоначального социалистического накопления, формирования предпосылок, материально-вещественных факторов производства в условиях экстенсивного индустриального развития.

Общественная сущность материального богатства раскрывается как процесс *формального обобществления прошлого овеществленного труда*, где ассоциированная общественная связь утверждается посредством движения конечных результатов и продуктов деятельности (обмен). Это была революция преимущественно в структуре объективных производительных сил (средств производства), не затрагивающая качественной природы субъективных производительных сил — самого процесса труда и его субъекта.

Новые ассоциированные формы связи первоначально утвердились в сфере *обмена* продуктами деятельности, не пронизывая еще процесс живого труда, не преобразовывая сколько-нибудь существенно структуру отношений производства. Социалистическое обобществление и регулирование касалось исключительно движения произведенных продуктов, выражаясь в контроле за их распределением и использованием, т. е. сферы распределительных отношений и отношений обмена. Это не могло не вызвать к жизни идей уравнительности, ограничений и унифицирования человеческих способностей и потребностей. Перестройка отношений распределения на основе социальной справедливости без коренной перестройки всей системы производства, и прежде всего живого труда, есть экономический источник нивелирования индивидуального своеобразия способностей, обезличивающего типажирования усредненных классовых индивидов.

Простая кооперация, товарный обмен (пока лишь прибавочного продукта) были *первыми формами обобществления*, прообразами становления новой социалистической формы развития. В этих условиях формирование *национального рынка равных товаропроизводителей* призвано было стать *реальным механизмом социалистического обобществления* вширь, утвердив новую общественную

связь пока формально, в ее предметно-вещной форме — в форме материального богатства средств производства.

Источник развития и экономической эффективности общественной системы, основанной на приоритете форм материального богатства, заключается в максимальном использовании овеществленного труда и присвоении труда живого. Отечественная история дает нам много примеров подобного рода. Так, если обратиться к структурным процессам расширенного воспроизводства и накопления, то обнаруживается, что здесь преобладают вложения не в живой, а в прошлый мертвый овеществленный труд. В структуре национального дохода из года в год явно виден перекося в сторону производства преимущественно группы «А» (средств производства) и наблюдается сокращение группы «Б» (вложений в человека)¹. Все это не может не сказываться на социальном развитии человека, поскольку экономически ограничивается масштаб реализации и поле продуцирования творческих способностей людей. Дефицит творческого потенциала в обществе — это результат экономического «недовложения» в человека. И дело здесь не столько в количестве, сколько в качестве вложений, ибо они связаны с воспроизводством человека преимущественно в форме *персонифицированной рабочей силы* — вещной всеобщности, к которой причисляются усредненные индивиды с усредненными способностями.

Отождествление человека с его бытием в качестве носителя рабочей силы, а творческих способностей только с производительными способностями ведет к парадоксальной исторической ситуации, когда человек выступает не субъектом производительных сил, а их элементом, частью, фактором, рабочей силой, трудовыми ресурсами, т. е. становится рядоположенным с вещественными структурами производства. Не случайно основными моментами системы материального богатства в нашем обществе стали система наемного производительного труда (все в найме у государства), культ «производящего экономического человека» (а сегодня добавляют без изменения существа дела — и равного товаропроизводителя).

Ограничение развития творческих способностей человека масштабом подготовки его в качестве рабочей силы обусловлено тем, что живой человеческий труд до сих пор в нашем обществе остается основой производства, а затраты рабочего времени — мерой ценности человека и результатов его деятельности. Причины и суть дела заключаются в следующем. На данном этапе исторического развития общество в лице государства регулирует только движение *стоимостных форм прибавочного продукта*, оно не способно еще овладеть *необходимым продуктом* в его *натуральной форме*, который непосредственно направлен на воспроизводство самого человека, многообразия его конкретных способностей и потребностей. Овладение необходимым продуктом носит пока еще *формаль-*

ный характер, ибо гарантируется обществом лишь в стоимостной форме, а следовательно, абстрактно, продуцируя в силу этого повсеместно усредненного индивида с усредненными способностями.

Если проанализировать динамику роста материального богатства, беря во внимание объемы промышленного производства и капитальных вложений, то обнаружится, что по сравнению с 1913 г. первые возросли в 30 раз, вторые — в 27 раз². Но стоит ли гордиться сегодня такими темпами, если только за пять лет — с 1980 по 1985 г. — производство средств производства значительно опередило группу «Б»³ Экономика начинает работать не на человека, а на себя. По словам К. Маркса, производство ради производства и есть воспроизведение *вещного богатства* в противоположность развитию человеческой личности. Система производства ради производства накапливает материальное богатство чисто в количественном отношении, но обедняет человеческое богатство страны. При общем росте национального дохода, объемов производства, накопления наблюдается постоянная тенденция к снижению их «гуманистической» отдачи, так как подобный «динамизм» *практически не влияет на качество жизни человека, развитие его способностей.*

Парадоксальность заключается в том, что узкоэкономический подход к богатству в нашей теории и практике, сведение всех форм деятельности к экономическим вступают в противоречие с самой экономической рациональностью. Так, фонд накопления, превосходящий, кстати, соответствующий показатель в США в 1,5 раза, не накапливает уже богатства, а омертвляет его, ведя к истощению природных и человеческих ресурсов. Достаточно вспомнить объемы незаконченного строительства, неиспользуемой техники, выключенной из живого процесса труда, запасы сверхнормативной продукции и пр.

Живой труд, человеческие способности, опредмеченные в этом вещественном богатстве, «умирают», оставаясь невостребованными обществом и человеком. Таким образом, здесь четко выявляются пределы расширенного воспроизводства, в котором не остается места воспроизводству общества и человека, его творческих способностей.

В итоге рост массы овеществленного богатства предполагает в качестве основания общественную и человеческую бедность⁴. Мы видим, что источник подобного типа развития с ориентацией на материальные формы богатства имеет четкие антропологические пределы, ибо основан на расхищении субъективных производительных сил человека, обеднении самого источника общественного движения, где многообразие человеческих способностей приносится в жертву поспешной «кавалерийской цивилизованности». Богатство феноменологических продуктивных форм жизни приво-

дит к господству объективистских структур в политике и культуре, формируя социальную феноменологию с ее лозунговым антропоцентризмом как компенсацией дефицита развития человека.

Обращение к концепции человеческого богатства связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели дальнейшего развития. Сегодня крайне необходимо помимо решения тактических задач начать практическое стратегическое изменение наиболее глубинных базисных отношений. Перестраивать эти отношения на основе системы материального богатства — это значит загонять все новации в старое прокрустово ложе, обрекая их на декларативность, формируя лозунговую экономику и демократию.

В стратегическом смысле необходимо четко осознать, что снятие пределов роста, обогащение источников развития, а следовательно, и достижение коренного поворота в экономике возможны только на *принципиально ином общественном базисе — базисе человеческого субъективного богатства*. Вопрос о человеческом богатстве — это вопрос о реализации коренных преимуществ социализма, связанных с приоритетом гуманистических установок в общественном развитии.

По своей сущности человеческое богатство есть процесс *реального обобществления живого труда* — способностей и самой деятельности человека. К. Маркс определял богатство как «всемирно-историческое накопление человеческих способностей»⁵. Соизмеряя социальную значимость вещественных и личностных факторов, он развил на основе концепций «человеческого накопления» и «вложений в человека» тезис младорикардианцев (Т. Годскин, В. Томпсон) о приоритете субъективных факторов производства.

Критикуя грубый материализм буржуазных экономистов, К. Маркс особо подчеркивал эвристическую ценность положения Т. Годскина о том, что «накопление представляет собой не что иное, как накопление производительной силы общественного труда, так что накопление мастерства и знаний (научной силы) самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление *наличных объективных условий*...»⁶. Самостоятельность и самодовлеющая ценность вещественной формы богатства исчезает, «оно просто выступает скорее как деятельность людей», это «вещественно прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда»⁷.

«Вложения в человека» социально и экономически наиболее «рентабельны», так как образуют *предпосылку* дальнейшего развития, направлены на обогащение не внешней предметной формы, а самого *источника* общественного движения. «...Степень искусности наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства...»⁸

Реальное обобществление связано, прежде всего, с преобразованием структуры субъективных производительных сил — самого процесса труда и его субъекта, которое революционизирует не только экономическую, но и социальную, технологическую модель производства. В ней отсутствует дуализм новой экономической формы и старого социального содержания самого процесса труда, в том числе и его технологического базиса, что наблюдается при формальном обобществлении. Эти компоненты процесса производства приводятся в диалектическое соответствие, формальные и содержательные структуры совпадают, что и позволяет говорить о реальном обобществлении.

Рассмотрим вопрос о сущности и качественной определенности процесса реального обобществления. Формирование человеческого богатства связано с накоплением «субъективного в субъекте», т. е. с обобществлением деятельных творческих способностей людей и самой производственной деятельности (кооперации и разделения труда). Таким образом, в центр исследования выдвигаются вопросы, связанные с определением элементарной формы человеческого богатства, социальных отношений, в которых оно реализуется, и, наконец, с механизмом его формирования. Спектр этих вопросов принципиально важен, так как они напрямую соотносятся с пониманием природы социализма как формы общественного развития.

Многочисленные дискуссии последних лет, касающиеся определения исходного отношения социализма, породили множество схоластических споров о дефинициях (потребности, способности, общественная собственность, непосредственно общественный труд). Избежать подобного «конкурса дефиниций» можно путем выявления *реальной всеобщей* формы связи, определяющей субстанциональное единство всех экономических и социальных форм жизни. Речь идет о выделении *генетической основы*, в простейшей форме содержащей закономерности становления и развития общества.

Для решения данного вопроса рассмотрим структуру *производительной силы труда* как главного содержания человеческого богатства. В реальном процессе материально-производственной деятельности производительная сила труда проявляется и существует *«и как научная сила, и как комбинация общественных сил в процессе производства, и как умелость, перенесенная из непосредственного труда в машину, в мертвую производительную силу»*⁹.

Эти элементы производительной силы труда составляют ее внутреннее содержание и являются непосредственным общественным богатством. Таким образом, накопление человеческого богатства осуществляется в трех формах: в форме индивидуальной производительной силы труда (совокупность деятельных способностей людей), в опредмеченных формах ее существования и в формах производительной силы самой производственной деятельности (коопе-

рация и разделение труда). При этом *главным элементом* производительной силы труда К. Маркс считал накопление и расширенное воспроизводство *деятельных творческих способностей* людей. Таким образом, элементарной формой бытия человеческого богатства, определяющей закономерности его развития и его структуру, являются *деятельные способности* индивидов.

Субстанцией, порождающей все многообразие человеческих способностей и являющейся источником расширенного воспроизводства человеческого богатства, выступает *всеобщий самодетельный труд*. Продуцирование способностей — это основная функция всеобщего труда. Как субстанции различных форм богатства абстрактный труд и всеобщий труд выражают *общественный* характер труда, но выражают по-разному. Абстрактный труд — опосредованно, через овеществленную стоимостную связь, отчужденную и противостоящую индивидам; всеобщий труд — непосредственно. Непосредственный характер всеобщего труда состоит в том, что конкретный труд индивида включается в совокупный труд общества, минуя стадию формальной метаморфозы во всеобщий эквивалент — абстрактно-однородный труд. Общественный характер всеобщего труда проявляется в самом конкретном труде. Если абстрактный труд порождает однородную абстрактно-всеобщую тотальность как пространство бытия усредненных индивидов с усредненными способностями, то всеобщий труд — непосредственную конкретно-индивидуальную культурно-историческую общность. Конгломераты-общности, порожденные абстрактным трудом (государство, политические общности, экономические объединения и т. д.), воспроизводят редуцированный коллективизм, мнимую, иллюзорную коллективность как новые оковы совместной человеческой деятельности. Конкретно-многообразные, социально богатые общности-ассоциации, вырастающие на основе всеобщего труда, производят саму общественную связь, социальную форму, подлинную коллективность как единственно истинный результат деятельности.

Иначе говоря, создавая богатство предметно воплощенных форм человеческих способностей, всеобщий труд порождает и нечто большее — ту великую «надбавку», которую К. Маркс называл «роскошью человеческого общения». Для того чтобы деятельность каждого человека имела действительное творческое содержание, была направлена на развитие деятельных способностей людей, она должна быть преобразована по типу всеобщего труда, т. е. полагаться как непосредственно общественная индивидуально-конкретная, культурно-историческая самодетельность.

В какой мере товар несет в себе характеристики не только элементарной формы материально-вещного богатства, но и элементарной стоимостной формы продукта (раскрывающей элементарную социальную связь, отношение), в такой же мере человеческие способности несут в себе характеристику элементарной социальной

связи — непосредственно общественных отношений людей.

Наряду со всеобщим трудом К. Маркс рассматривает непосредственно общественные отношения как выражение общественного характера деятельности. В этом смысле *генетически исходным отношением* человеческого богатства, а соответственно, и системы в целом выступает непосредственно общественная связь, которая предстает по преимуществу социальным, а не экономическим отношением. Данное отношение приходит на смену вещной стоимостной опосредованной связи системы материального богатства. В какой мере стоимостная вещная связь является единственно реальной формой бытия товара, в такой же мере непосредственно общественная связь существует как единственная *реальная форма* бытия человеческих способностей. В конкретной системе отношений социализма непосредственно общественная связь выступает в качестве социальной формы всех отношений производства, распределения, обмена и потребления, т. е. предстает как элементарная конкретность.

Когда в качестве исходного отношения системы социализма выдвигается индивид, его потребности, собственность, то во всех случаях происходит отождествление *отношения* с его материальным субстратом-носителем: в первом случае — с личностным элементом общественного производства, во втором — с вещественным.

Непосредственно общественные отношения — это социальная форма истинной коллективности, в которой индивиды выступают не как представители класса, слоя, касты, группы, а именно как индивиды, опредмечивающие в коллективности силу своих способностей и продуцирующие свою ассоциацию как пространство творчества и человеческой сопричастности.

Проанализировав процесс в «чистом» виде, посредством выделения его сущностных параметров, перейдем к рассмотрению исторически конкретных форм его бытия и развития.

Производительная сила живого труда в форме индивидуальных способностей представлена сегодня преимущественно развитием производительных способностей, так как субъект реализует себя главным образом в качестве рабочей силы с заданными параметрами, масштабом необходимых производству способностей (мастерства, умений, знаний и т. д.). В силу частичности деятельности способности имеют одностороннюю структуру, как культурную, так и профессиональную, они задаются структурой конечного продукта и ориентированы на нее, социально обеднены в силу преимущественно экономической формы развития и связи, индивидуально усреднены, малокреативны из-за дефицита подлинной коллективности и культурности.

В какой мере в обществе будут утверждаться новые организационные формы трудовой деятельности (хозрасчет, бригадный, семейный подряд, аренда и т. д.), в такой же мере можно говорить

о преодолении дефицита способных, социально активных людей. Многообразие форм собственности становится социальным и экономическим фундаментом свободной вариативности и разнообразия систем формирования индивидуальных способностей. Появление в обществе неформальных ассоциаций по интересам открывает простор для становления новой структуры общества, характеризующейся отсутствием жесткой однозначной закреплённости за общностью, подвижностью социальных слоев и групп, что становится предпосылкой формирования действительной коллективности, а следовательно, и многообразных творческих способностей людей. К этому же ведут и процессы «разгосударствления» экономической и социальной жизни, создания самостоятельных ассоциированных объединений, союзов, разрушающих ведомственные вертикальные сверхструктуры путем развития прямых горизонтальных связей как элементов непосредственно общественной связи. Наметившийся сегодня выход человека из традиционных экономических и политических общностей есть преодоление заданности и социальных пределов развития индивидуальных способностей. Чем многообразнее общности, в которые включен индивид, чем шире спектр его коллективных связей, не опосредованных экономической или политической целесообразностью, тем богаче мир его творческих способностей.

Всеобщий труд — это отнюдь не всеобщность участия в труде, а новый тип деятельности, характеризующий социальное положение человека в системе общественного производства. Одним из способов реализации глубинных сущностных черт всеобщего труда может стать бригадный подряд как самостоятельная форма развития всеобщего труда, где под контроль ставится не только движение конечного продукта (распределительные отношения), но и организация самого трудового процесса посредством учета индивидуальных затрат конкретного труда без опосредования его товарным обменом, т. е. труд любого члена коллектива включается в совокупный коллективный труд непосредственно. Таким образом, в бригадной форме общественный характер деятельности утверждается уже на базе не абстрактного, а конкретного труда и существует как предпосылка процесса производства, хотя подобное включение носит пока количественный, а не качественный характер, поскольку мера индивидуальных затрат определяется мерой рабочего времени и интенсивностью труда.

Производительная сила совместного труда, существующая в форме непосредственно общественных связей и отношений, реализуется на современном этапе в виде кооперации и разделения труда, которые К. Маркс рассматривал как общественные факторы развития производительной силы труда в целом¹⁰. Кооперация и разделение труда по своей сущности выражают социальную форму реализации коллективности, ассоциированных связей на опреде-

ленном уровне развития производительных сил труда, и соответственно этому уровню существуют простая, технологическая и социальная кооперация и технологическое, отраслевое и социальное разделение труда.

Очень часто кооперацию и разделение труда понимают на удивление узко: кооперацию — как форму собственности на предметные условия труда, разделение труда — как отделение умственного труда от физического или же как межотраслевое и технологическое разделение труда. В обоих случаях эти понятия лишаются социальных параметров, характеризующих их с точки зрения всеобщих моментов воспроизводства общественной жизни. Не случайно поэтому ленинское положение о социализме «как строе цивилизованных кооператоров» понимается не как утверждение ассоциированных коллективистских отношений на базе общенародной кооперации труда в масштабах общества, а весьма обедненно, как рост экономических форм кооперативной собственности. В этом случае совершенно непонятно, почему и К. Маркс, и В. И. Ленин рассматривали кооперацию как прообраз новых общественных связей по типу ассоциации. Поэтому утверждение данных форм жизни есть шаг вперед в развитии социальной формы непосредственно общественных отношений.

К. Маркс рассматривал кооперацию как всеобщую универсальную форму, «которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда...»¹¹. Кооперация, по К. Марксу, это простейшая форма человеческой ассоциации, которая остается базисом и предпосылкой ее более развитых непосредственно общественных форм. Вот почему развитие кооперации и разделения труда является сегодня *показателем* степени реализации на практике непосредственно общественных коллективистских связей людей, показателем того, насколько *эффективен* совместный производительный труд, насколько развиты «естественные силы» коллективной деятельности, продуцирующие (и это их главный продукт) новую общественную форму развития.

На современном этапе базисом кооперации и разделения труда выступает совместный живой труд. Поэтому наибольшее развитие в производстве получила простая экономическая кооперация и межотраслевое разделение труда.

Экономическая кооперация — это путь экстенсивного пространственного развития ассоциированной связи, которая охватывает не сам труд, а движение конечных продуктов. Общество в лице государства объединяет работников в экономическую общность по поводу производства конечного продукта. В простой кооперации экономическая форма оторвана от технологического базиса, источником ее развития является товарный обмен, формирующий опосредованную общественную связь. Наиболее слабое развитие получили

формы технологической и социальной кооперации. Если технологическая кооперация — это объединение в самом процессе труда на основе средств труда, то социальная кооперация как ее высшая форма представляет собой не что иное, как кооперацию в масштабе всего общества. Закономерность здесь вырисовывается такая: чем примитивнее ассоциированная связь на уровне непосредственного производителя, тем она беднее и на уровне всего общества. В этой ситуации наибольшее развитие получают такие формы кооперации, которые опосредуют социальные отношения индивида и общества (это экономическая кооперация посредством государства). Задача сегодня состоит в том, чтобы перейти к технологической кооперации самой производственной деятельности и развивать формы непосредственной социальной кооперации (например бригадный подряд). Основным направлением развития технологической кооперации является хозрасчет, который как раз позволяет перейти от управленческой организации труда к кооперации и разделению труда как организации труда на уровне самого производителя.

Господствующее положение в системе разделения труда сегодня занимает межотраслевое и социальное разделение труда с высокой степенью развития кооперативных планомерных начал на уровне общества и слабым развитием технологического разделения труда на уровне предприятия. Чем больше объем отраслевого разделения труда, тем слабее развито разделение труда в непосредственном процессе производства. Насколько обобществлен труд на уровне общества (хотя и формально), настолько он частичен и не обобществлен на уровне первичного экономического звена, т. е. непосредственной деятельности индивида. Пока процессы обобществления будут идти только по вертикали и на макроуровне, пока в фундаменте общественного организма не сформируются ассоциированные общности на основе технологической и социальной кооперации и разделения труда, до тех пор понятия «социализм» и «богатство» будут альтернативными, потому что социальная эффективность системы непосредственно связана с действием закона повышения производительной силы труда: «издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее...»¹² Если говорить об эффективности социализма как системы, то надо говорить об эффективности производительной силы труда как источника, создающего богатство общества. Именно здесь, в структуре производительной силы труда, находится основное звено реализации преимуществ социализма (богатство деятельных способностей, продуцирование самой общественной формы, повышающей эффективность всей производственной и социальной деятельности).

Таким образом, формирование материального богатства средств производства и потребления является необходимой формой разви-

тия богатства, так как создает материальные предпосылки становления подлинного человеческого богатства. Обобществление материальных форм богатства посредством товарного обмена, стоимостных отношений, рынка — задача сегодняшнего дня. Но, решая ее, нельзя забывать, что социализм — общество по преимуществу не экономическое, а социальное. А потому создание развитых форм материального богатства не может рассматриваться в качестве стратегической задачи перестройки и тем более ее основания. Материальное богатство есть исходная, но исторически преходящая форма, где ассоциированная связь реализуется еще в неадекватной себе отчужденно-вещной форме бытия.

Формирование подлинного человеческого богатства как действительного базиса новой общественности — это тоже задача не завтрашнего, как полагают многие экономисты, а сегодняшнего дня. Уже сейчас практика дает нам образцы реальных ассоциированных форм, и нам необходимо развивать механизмы их дальнейшего роста. Без такой «стратегической» работы нас подстерегает опасность впасть в апологию наличных форм бытия и тактических реформ, принести в жертву своей внеисторичности глубинные базисные преобразования и широкие гуманистические перспективы развития, связанные со становлением общественного богатства в форме накопления творческих сил и способностей людей.

¹ Если в 1940 г. производство группы «А» превосходило производство группы «Б» в 2,3 раза, в 1960 г. — в 5 раз, то в 1987 г. — в 7,5 раза. Из валового национального продукта на воспроизводство рабочей силы в виде заработной платы идет 37 % против 70 % в развитых индустриальных странах, на здравоохранение — 4 % госбюджета, на социальное обеспечение — 8,4 %. См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 5, 9, 629.

² См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 7.

³ См.: Там же.

⁴ «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. С. 47.)

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 285. См. также с. 276, 284, 306.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 446.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 225.

¹⁰ См.: Там же. С. 106.

¹¹ Там же. Т. 47. С. 285.

¹² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 76.

